

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Рецензия на кн.: **Никулина Т.С. Средневековый Любек.** Самара: Самарский университет, 2006. 356 с.

А.Н. Галямичев

Монография Т.С. Никулиной посвящена одной из самых увлекательных страниц истории городов эпохи Средневековья: автор обращается к столице легендарной северогерманской Ганзы, городу, окружённому ореолом славы и романтических легенд. Поскольку в нашей историографии до выхода в свет этой книги не было обобщающих работ по истории Любека, то можно с полным правом отметить, что рецензируемая монография восполняет важный пробел в отечественной медиевистике.

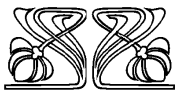
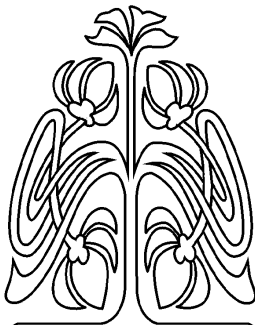
Авторское обоснование новизны и значимости предпринятого исследования содержится во введении, особенностью которого является преимущественное внимание к источниковедческим сюжетам (с. 17–27). Это обусловлено, с одной стороны, исключительной обширностью и разнообразием использованного автором корпуса источников (документальных, юридических, нарративных) на латинском, средневерхненемецком и (что особенно сложно) средненижненемецком языках. С другой стороны, преимущественное внимание к источникам во введении определяется своеобразием структурного построения работы: её первая глава («Ранняя история Любека») носит в основном вводно-очерковый характер, она призвана представить предысторию XIV–XVI столетий, на которых сосредоточено главное внимание Т.С. Никулиной.

Первая глава монографии содержит немало ценных, новых для нашей литературы наблюдений. В первом её параграфе ставится вопрос об особенностях городского развития в областях восточной немецкой колонизации, причём Любек, по оценке Т.С. Никулиной, «представляет собой образец классического развития немецкого города, основанного в колонизованной области восточнее Эльбы» (с. 48). Хотелось бы при этом видеть более систематизированную характеристику специфики градообразовательного процесса на землях к Востоку от Эльбы. Не совсем понятно, что автор имеет в виду, когда говорит о «внутренней целостности городской истории, которая так характерна для Любека» (с. 37).

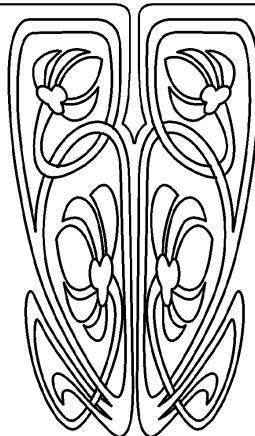
Очень интересными представляются страницы, посвящённые любекской церкви св. Марии и её роли в истории города (с. 44–48). Они как бы вводят читателя в своеобразный мир столицы Ганзы, знакомят с историей самого величественного из творений «кирпичной готики», ставшего безмолвным героем классических произведений Томаса Манна.

Второй параграф первой главы содержит краткий очерк истории взаимоотношений немецких городов и императорской власти. Автор выявляет причины такого своеобразного явления политической истории средневековой Германии, как союзы городов, прослеживает основные этапы становления крупнейшего из них – северогерманской Ганзы – и утверждения Любека в качестве её главного центра. Пожалуй, материал именно этой главы в наибольшей степени отмечен очерковым характером и, на наш взгляд, было бы предпочтительнее не обособлять его в качестве самостоятельной структурной части работы, содержащей обширные экскурсы в общую историю Германии, а излагать в контексте собственно любекской истории.

Что же касается последующих глав работы (II–VII), то они тесно связаны между собой логикой осмысления основных тенденций социально-экономического развития города и той драматической

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

социально-политической борьбы, которая происходила в нём на протяжении XIV–XVI столетий.

Вторая глава представляет собой нацеленный на рассмотрение этих сюжетов историографический очерк («Основные проблемы внутреннего развития Любека в XIII–XV вв. в немецкой историографии XX в.»). Т.С. Никулина предлагает вниманию читателя обстоятельный (с. 72–94) анализ работ трёх выдающихся исследователей любекской истории – Ф. Рёрига, А. фон Брандта и К. Фридланда. Материал главы вводит читателя в круг основных проблем социально-экономической истории средневекового Любека, однако обзору, по нашему мнению, недостаёт критичности в оценках вклада этих действительно незаурядных исследователей в дело изучения истории средневековых городов Германии. Кроме того, говоря о том, что «история Ганзы и связанных с нею городов Северной Германии – один из самых исследованных сюжетов немецкой исторической науки XVIII–XIX вв., где сложилась традиционная тематика» (с. 72), Т.С. Никулина невольно вызывает чувство досады у читателя тем, что оставляет за рамками рассмотрения творческие искания немецких историков двух названных столетий, которые принесли немецкой науке мировую славу.

Третья глава («Экономическое развитие Любека в XIV–XVI вв.») занимает, на наш взгляд, центральное место в монографии Т.С. Никулиной. Именно на её страницах в полной мере раскрывается её исследовательский талант, умение анализировать сложные тексты, составители многих из которых не были заинтересованы фиксировать реальное положение вещей, а скорее были склонны скрывать его. Самое главное – Т.С. Никулина сумела выявить конкретные формы начавшегося в Любеке со второй половины XV в. процесса разложения средневековых цеховых порядков и становления раннекапиталистических отношений (с. 117–135). Особая значимость этих выводов определяется тем, что процесс зарождения капиталистических отношений в Германии в нашей науке вообще изучен недостаточно, а то, что до сих пор было сделано в этом направлении, относится преимущественно к горному делу, а географически – главным образом к Южной Германии.

В работе Т.С. Никулиной, к сожалению, нет ясного ответа на вопрос о социальных корнях изначального любекского промышленного предпринимательства. Соблазнительно было бы искать их среди ганзейского купечества, тем более что автор отмечает новые явления в развитии торговли в XIV–XV вв. (в частности, с конца XV в. отмечается возникновение паевых компаний), рисует галерею ярких портретов «новых людей» – богатых, предприимчивых, энергичных купцов, чья деятельность была связана с купеческими и судовладельческими компаниями (с. 106–115). Однако проследить процесс проникновения купеческого капитала в ремесло Любека автору не удалось, и, возможно, именно в этом коренились главные движущие пружины той социальной борьбы, которая красной нитью проходит через историю Любека XIV–XVI вв.

Первая стадия этой борьбы подробно рассматривается в четвёртой главе монографии («Социальные конфликты в Любеке в XIV–XV вв.»), в первом параграфе которой прослеживается механизм обострения социальных противоречий: Т.С. Никулина показывает, что в его основе лежал рост экономической силы и политического самосознания средних слоёв бюргерства (средних купцов, мелких торговцев, цеховых ремесленников), которые в указанный период «оставались отстранёнными от реального участия в решении важнейших внутри- и внешнеполитических дел города» (с. 164). Власть в городе продолжал удерживать в своих руках верхний правящий слой, образованный одновременно с основанием города богатым купечеством, занимавшимся международной торговлей, но в XIV–XV вв. постепенно превращавшийся «в собственника земельных участков и рент» (с. 154). В заглавии параграфа («Городская элита и городская община Любека») Т.С. Никулина употребляет термин «элита», но нам представляется более корректным для определения сути этого явления термин «городской патрициат», который имеет гораздо более узкое значение и своими корнями уходит к памятникам городской истории средневековья (кстати, сама Т.С. Никулина в тексте своей работы гораздо чаще оперирует термином «патрициат», нежели «элита»).

Второй и третий параграфы четвёртой главы подробно рассматривают важнейшие эпизоды социальной борьбы в Любеке XIV–XV вв. – выступление мясников в 1380–1384 гг. и восстание 1408–1416 гг., остававшиеся прежде за пределами внимания отечественных медиевистов.

В пятой главе монографии («Социальный облик города перед Реформацией») Т.С. Никулина показывает процесс стремительного нарастания социальных противоречий в Любеке во второй половине XV – начале XVI в., который определялся отчасти упадком ганзейской посреднической торговли, но главным образом разложением цеховых форм ремесла и торговли, усиливавшейся имущественной дифференциацией горожан. Своеобразие складывавшейся в городе ситуации, как показывает автор, определялось, с одной стороны, сложным переплетением различных социальных противоречий, а с другой – определённой интеграционной тенденцией: «Все сходились на ненависти к патрициату и союзной с патрициатом церкви и совету, чья социальная политика носила узкословный, полуфеодальный, реакционный характер» (с. 233).

Ярким материалом источников насыщена шестая глава книги, где автор подробно освещает страницы истории Реформации в Любеке и её наиболее яркое проявление – движение Юргена

Вулленвевера, который, по мнению Т.С. Никулиной, был «самой значительной личностью в многовековой истории Ганзы и Любека» (с. 316). Рассмотрев событийный ряд истории Любека эпохи Реформации, основные черты политики Вулленвевера и причины поражения возглавлявшегося им движения, Т.С. Никулина уже в заключении к своей монографии ставит вопрос о «городской реформации» в ганзейских городах Северной Германии как особом типе социальной борьбы в немецких землях эпохи Реформации (с. 314–316). Последняя мысль представляется весьма плодотворной для дальнейшего осмысления германской Реформации и её исторической роли в судьбах немецкого народа.

Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины К.П. Победоносцева (Санкт-Петербург, 1–3 июня 2007 года). СПб., 2007. 244 с.

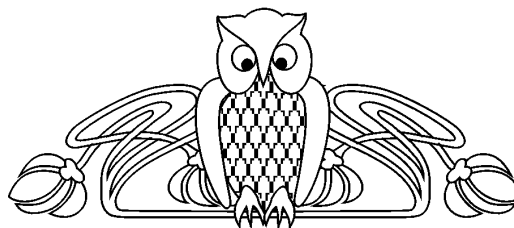
О.В. Кочукова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: KochukovaOV@mail.ru

Количество статей и монографий, посвященных различным направлениям в общественном движении России XIX в., а также отдельным общественным и государственным деятелям эпохи в современной исторической науке уже наверняка достигло той стадии, на которой становится возможным обобщение накопленного багажа фактов и наблюдений. Опыты обобщающих исследований в рамках обозначенной проблематики сейчас уже не редкость, тем не менее, именно в адрес этих авторов можно чаще всего услышать критические отзывы и упреки рецензентов¹. Зачастую в обобщающих работах по истории общественного движения либо вызывает сомнения настойчивое проведение достаточно схематичных концепций, либо, напротив, не обнаруживаются исследовательское поле и научная новизна. Вместе с тем в монографиях, посвященных конкретным проблемам, личностям, этапам в становлении и развитии консерватизма, либерализма, радикализма в России, их взаимодействию с правительственной политикой, гораздо чаще можно встретить современные научные подходы, взвешенные оценки, интересные интерпретации источников и т.п. Возможно, путь к решению проблемы связан с поиском эффективных способов научного общения ученых, работающих в общих направлениях, так как, видимо, написание обобщающих работ по истории общественной мысли и общественного движения в России под силу только коллективам авторов и научным группам. И, конечно же, очень

Основной текст работы дополняют скрупулезно составленные на основании извлеченных автором из источников таблицы, позволяющие дополнить и конкретизировать отдельные положения монографии и обширный список использованных источников и литературы (с. 335–355).

Обобщая вышесказанное, отметим, что с выходом в свет монографии Т.С. Никулиной наша историческая литература пополнилась интересным, исключительно обстоятельным исследованием, материалы и выводы которого позволяют существенно дополнить сложившиеся представления как об истории Любека и Ганзы, так и средневекового городского развития в целом.

большое значение приобретают конференции, круглые столы, семинары и изданные по их результатам сборники и материалы.

Вполне очевидно, что из огромного количества сборников, изданных по результатам различных научных конференций, только те из них представляют действительную научную ценность, которые объединены определенным тематическим единством и отражают научное общение специалистов, заинтересованных общей проблематикой. Читатель, взявший в руки сборник «Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек», станет участником живого, интересного научного общения. Следует отметить, что конференции, посвященные отдельной личности в истории – большая редкость. Но, конечно же, личность К.П. Победоносцева, обер-прокурора Святейшего Синода, видного государственного деятеля, оказывавшего значительное влияние на идеологию и политику самодержавной власти, известного юриста и самостоятельного мыслителя, оправдывает такое внимание.

Международная юбилейная научная конференция, посвященная К.П. Победоносцеву, состоявшаяся в июне 2007 г. в Петербурге, несколько необычна. Среди ее организаторов – Санкт-Петербургская митрополия, Воскресенский Новодевичий монастырь, Воскресная школа Новодевичьего монастыря. Среди ее участников – историки, философы, филологи, представляющие научные институты и высшие учебные заведения Москвы, Петербурга, Волгограда, Саратова, Южной Кореи, магистры и кандидаты богословия, священники. Большинство статей отличается высоким научным уровнем, многие из них основаны на новых архив-

ных изысканиях. При этом материалы сборника не создают впечатления калейдоскопа мнений и наблюдений, разрозненных, механически объединенных исследований. Напротив, читатель составит вполне целостное представление о личности и эпохе, обнаружив взгляд на одни и те же проблемы и сюжеты с разных точек зрения. Пожалуй, даже удивительно, что разные авторы смогли создать ощущение цельности натуры и мировоззрения К.П. Победоносцева, объясняя различные аспекты его деятельности и взглядов, исходя из определенных общих позиций. Целый ряд исследований обнаруживает внутреннее логическое единство, заметна перекличка частных сюжетов (например, не раз упоминается влияние основоположника практической социологии Ф. Ле-Пле на взгляды Победоносцева, несколько раз исследователи обращаются к личности консервативного церковного мыслителя Т.И. Филиппова и т.п.)

Статьи, представленные в сборнике, можно подразделить на четыре тематические рубрики (к сожалению, редакционная коллегия не сочла возможным обозначить их в содержании, в котором выделены два раздела: статьи и публикации). Их можно было бы сформулировать следующим образом: основы мировоззрения и научные взгляды К.П. Победоносцева; его участие в политической жизни; церковная деятельность; Победоносцев во взаимоотношениях с современниками, в их отзывах и оценках.

Следует отметить, что многие авторы, принявшие участие в конференции, предлагают весьма убедительное объяснение различных сторон деятельности и взглядов К.П. Победоносцева, основанное на понимании особенностей его личностно-психологического склада и характерного ему способа философского осмысления мира. Не случайно первая статья в сборнике – размышления А.И. Пешкова о К.П. Победоносцеве как «православно-русском мыслителе». По мнению А.И. Пешкова, наиболее важное значение имели гносеологические представления Победоносцева, настаивавшего на требовании цельности «живого» знания, включающего разные характеристики человеческого бытия (ум, чувство, воля). С философом А.И. Пешковым соглашается историк В.В. Ведерников, также усматривающий гносеологическую основу консервативного мировоззрения в противопоставлении конкретики «живой жизни» рационализму абстрактного знания. Следующее размышление Победоносцева вполне подтверждает эту мысль: «Жизнь – не наука и не философия; она живет сама по себе, живым организмом... В применении к жизни всякое положение науки и философии имеет значение вероятного предположения, гипотезы, которую необходимо всякий раз поверить здравым смыслом и искусным разумом по тем явлениям и фактам, к которым требуется приложить ее; иное применение общего начала было бы насилием и ложью в жизни»². Постановка вопроса о гносеологических основах

мировоззрения К.П. Победоносцева, конечно же, не была бы обоснованной без обращения к научному творчеству мыслителя в области права и истории. Тем больший интерес представляет статья Ю.Г. Степанова о Победоносцеве как историке крепостного права. Исследователь показал развитость историзма мышления Победоносцева, его ориентированность на ценность опытного знания, последовательное изучение источников и исторических фактов. Возвращаясь к статье А.И. Пешкова, следует отметить небезынересное замечание о том, что наиболее важные взгляды Победоносцева на природу власти, религии, общества не были теоретически развернуты и систематизированы именно по причине установки на «живую конкретику» восприятия. Но от внимания А.И. Пешкова ускользнул тот факт, что о недостаточности и даже вреде господства отвлеченного мышления размышляли и писали в XIX в. далеко не только приверженцы политического консерватизма и, тем более, не только исходя из преданности православному вероисповеданию. Специфика мировоззрения Победоносцева вряд ли получает полное объяснение в категориях «православно-русского просвещения», также небесспорно утверждением о том, что обер-прокурор рассматривал власть «в общем виде, безотносительно к ее конкретным формам, обосновывая свой взгляд на нее в контексте христианского нравоучения» (с. 13).

В связи с пониманием специфики мировоззрения К.П. Победоносцева большой интерес представляет статья профессора экономики из Южной Кореи К. Мондэй, исследовавшего сюжет о влиянии школы Фредерика Ле-Пле в России³. К. Мондэй также уделяет особое внимание консервативному способу мышления, общему, к примеру, для Э. Берка, Т. Карлейля, Ф. Ле-Пле и К.П. Победоносцева. (Отказ от идеи всеисильности человеческого разума и безграничных и равных от природы возможностей людей обуславливал отказ от проведения сознательных общественных реформ, направленных на достижение общественной гармонии, критику «ложных догматов» эпохи либерализма и попытку заменить их авторитетом воспитывающей и исправляющей власти). Но при этом К. Мондэй подчеркивает специфику взглядов и деятельности Победоносцева и приходит к выводу об одностороннем, искаженном и поверхностном влиянии Ле-Пле и его школы. В учении Ле-Пле неизмеримо сильнее была «область права и частной собственности», а отрицательное отношение к официальной государственной религии сближало Ле-Пле более с Л.Н. Толстым, нежели с К.П. Победоносцевым. Глубинные различия русской и западной консервативной мысли на примере взглядов Победоносцева отмечены также в статье А.Ю. Полунова «К.П. Победоносцев и общественно-политическая жизнь Великобритании».

Своеобразным «мостиком», соединяющим воедино личностно-философские позиции и по-

литические взгляды К.П. Победоносцева, можно считать статью В.В. Ведерникова. Исследователь выделяет три течения в политическом консерватизме XIX столетия в зависимости от отношения к концепции прогресса и системе ценностей буржуазного общества: «эволюционный консерватизм», допускающий изменения в рамках существующей системы и нацеленный, главным образом, на защиту социальных интересов элитных слоев общества; «охранительство», ориентированное на сохранение status quo и скептически настроенное к любым переменам; «реакционный реформизм», представляющий собой активное отторжение норм и ценностей буржуазного общества и нацеленный на восстановление идеалов традиционного общества. По мнению В.В. Ведерникова, Победоносцев был «охранителем» в решении текущих политических проблем, но «реакционным реформистом» в фундаментальных мировоззренческих установках.

Участие К.П. Победоносцева в политической жизни рассматривается в статьях В.В. Ведерникова, В.Г. Чернухи, А.Ю. Полунова, И.В. Лукоянова, Д.М. Софьиной, Н.Н. Виноградовой. В.В. Ведерников и В.Г. Чернуха обратили внимание на ранний этап политической деятельности Победоносцева (1850–1860-е гг.), когда он вполне «вписывался» в группу либеральных реформаторов. В.В. Ведерников высказал предположение, что восприятие Победоносцевым ставки либеральной бюрократии на инициативную и сильную государственную власть впоследствии облегчило его консервативную эволюцию («общество как объект воспитания», таким образом, было уже хорошо знакомо в качестве фактора идеологии). Н.Н. Виноградова, опираясь на теоретические достижения исследователя «сценариев власти» Р.С. Уортмана, определяет роль Победоносцева в «трансляции образа новой власти» через составление коронационных манифестов 1883 и 1896 гг. И.В. Лукоянов и Д.М. Софьян обращаются к позднему этапу политической биографии Победоносцева, исследуя его взаимоотношения с Николаем II и великим князем Сергеем Александровичем. Взгляды Победоносцева на внешнюю политику стали предметом анализа А.Ю. Полунова, отметившего некоторые противоречия в воззрениях Константина Петровича на политическую жизнь и культуру западных стран и предположившего его значительное влияние в общении между У. Гладстоном и российскими правительственными кругами в обсуждении Восточного вопроса в 1877–1878 гг.

Целый ряд статей посвящен взаимоотношениям К.П. Победоносцева и его современников: Н.П. Гилярова-Платонова, А.А. Измайлова, Т.И. Филиппова, К.Н. Леонтьева, Э.Д. Уайта, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского), епископа Порфирия (Успенского). Изучение личных взаимоотношений Победоносцева, так же как и оценок, данных ему современниками, помогает лучше понять

его человеческий облик и те факторы, которые способствовали определенному восприятию его личности и деятельности. Заставляет задуматься, к примеру, следующий отзыв американского дипломата Э.Д. Уайта: «Его жизнь представляет весьма интересное исследование искусства управления церковью, государством и человеческой природой и показывает, как некоторые люди, наиболее строго осуждаемые современными историками – великие гонители, инквизиторы и тому подобное – могут основывать свои действия на теориях, которые мир мало понимает, и иметь столь же незначительную сознательную жестокость, как их более терпимые соседи» (с. 86, статья В.Н. Плешкова «Эндрю Диксон Уайт о встречах с К.П. Победоносцевым»). Значительный интерес представляют статьи, в которых рассматриваются отношения Победоносцева с церковно-общественными деятелями, церковными мыслителями. Так, О.Л. Фетисенко и С.И. Алексеева обратили внимание на оценки, данные Победоносцеву Т.И. Филипповым, соперничавшим и во многом не соглашавшимся с первым. Вообще, негативные оценки, данные Победоносцеву другими представителями консервативной и церковной мысли, особенно любопытны. О.Л. Фетисенко вскрывает суть разногласий К.П. Победоносцева и Т.И. Филиппова: для Филиппова было неприемлемым угнетенное положение церкви в качестве служанки государства, в то время как для Победоносцева «церковь в ее земной ипостаси – часть государства, которой отведено почетное, но ограниченное место» (с. 117).

Вполне обоснован проявленный многими авторами сборника интерес к деятельности и взглядам К.П. Победоносцева в области церковной жизни и управления церковью. Нельзя не отметить, что ряд статей несет на себе отпечаток свежих, нестандартных взглядов и, несомненно, способствует преодолению стереотипного восприятия темы. Так, в статье Н.С. Крылова предпринята попытка разоблачения мифа об «обер-прокурорском засильи» в делах церкви. С точки зрения исследователя, обер-прокурор не мог решиться на открытые конфликты с церковными иерархами, а напротив, старался сохранять с ними добрые отношения, при этом отношения обер-прокурорской канцелярии и Синодальной строились по принципу от низшей инстанции к высшей. А.В. Карпов задается вопросом, «государственность церкви или церковность государства» была приоритетной целью К.П. Победоносцева, и приходит к следующему выводу: «не собственно власть государства над церковью имела для него значение, а именно исполнение государством своей миссии – поддерживать церковь и веру Христову» (с. 103). А.В. Карпов показывает разрыв реальной государственной политики в религиозной сфере (особенно на рубеже XIX–XX вв.) с идеями и идеалами К.П. Победоносцева. Впрочем, со страниц сборника доносятся и отклики полемики их авторов. К примеру, священник

Илия Соловьев, изучивший взаимоотношения Победоносцева и митрополита Антония, признавая, что обер-прокурор желал церкви только добра и процветания, тем не менее, пришел к выводу о том, что вся его политика по отношению к церкви «основывалась на приоритетном соблюдении государственных, «утилитарных», мирских, а не церковных интересов» (с. 160).

Кроме того, К.П. Победоносцев предстает вниманию читателей сборника в малоизвестных сторонах своей деятельности: как переводчик Нового Завета и автор лирико-религиозного произведения светской литературы, написанного в церковном жанре «Праздники Господни» (статьи М.В. Грехнева и М.А. Миркиной). Нельзя не согласиться с М.В. Грехневым в том, что церковно-литературное наследие и писательская манера Победоносцева могут пролить новый свет на политическую деятельность и личность обер-прокурора, кроме того, являются ярким свидетельством его личной религиозности.

Конечно же, применительно к отдельным положениям или общему смыслу ряда статей вполне возможны критические замечания. Очень дискуссионный характер имеют основные положения статьи священника Георгия Ореханова «Путь к отлучению (к истории личных отношений К.П. Победоносцева и Л.Н. Толстого)». К тому же, в этой статье допущено явное искажение смысла источника. Дневниковая запись А.С. Суворина «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая II и его династии» никак не может служить подтверждением той мысли, что Толстой «в течение тридцати лет развращал русский народ и русскую молодежь», как это следует из текста статьи (с. 153). Неубедительной представляется попытка Д.М. Софьина оценить отношения великого князя Сергея Александровича и Победоносцева в контексте сложного идейного взаимодействия и противостояния традиционализма и «консерватизма в виде славянофильских воззрений». Такая концепция выглядит очень схематичной и, во всяком случае, очень спорно определение

«славянофильских воззрений» в применении к столь позднему периоду.

Впрочем, большинство замечаний, которые, возможно, сделают читатели сборника, носит частный характер. В целом же сборник материалов конференции памяти К.П. Победоносцева можно считать значимым явлением в историографии, которое наверняка привлечет внимание специалистов и широкого круга читателей. Этому в немалой степени способствует наличие второго раздела сборника, в котором представлены публикации источников, подготовленные В.В. Ведерниковым. Ряд источников впервые вводятся в научный оборот. Отобранные тексты отображают вехи мировоззренческой и политической эволюции К.П. Победоносцева. В разделе публикаций представлены воспоминания Победоносцева, относящиеся к годам начала служебной карьеры, его публицистическая статья «Съезд юристов в Москве», опубликованная в «Гражданине» в 1873 г., в рубрике «Переписка» помещены письма Победоносцева к К.Д. Кавелину, И.С. Аксакову, С.А. Рачинскому, переписка К.П. Победоносцева и Е.А. Победоносцевой с А.Г. Достоевской.

Наконец, нельзя не отметить украшающий и содержательно дополняющий сборник хорошо подобранный иллюстративный и иконографический материал.

Примечания

- ¹ См., напр., рецензии: *Кутаев В.А.* Сколько лиц у русского либерализма? (Российский либерализм: идеи и люди / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2004) // Освободительное движение в России. Саратов, 2007. Вып. 22; *Он же.* Энциклопедия русских идей (Общественная мысль России XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия. М., 2005) // Историографический сборник. Саратов. 2007. Вып. 22; Обсуждаем энциклопедию «Общественная мысль России XVIII – начала XX вв.» // Отечественная история. 2006. № 4.
- ² Московский сборник / Издание К.П. Победоносцева. 5-е, дополненное. М., 1901. С. 117.
- ³ См.: *Ле-Пле Ф.* Основная конституция человеческого рода / Пер. с фр. К.П. Победоносцева. М., 1897.